

Дороти Джонс

(Dorothy Jones) — почетный сотрудник кафедры английского языка в Университете Вуллонгонга (Австралия). Опубликовала множество работ в области исследования постколониальной литературы, в особенности написанной женщинами, и ряд статей о взаимоотношениях текстиля и литературы.

Красноречивое сари

Аннотация

Будучи частью эстетически насыщенной и политически сложной текстильной традиции Индии, сари обладают «социальной жизнью вещей» и в то же время вписаны в «язык одежды». Настоящая статья посвящена анализу репрезентаций этого костюма в произведениях индийской литературы как важного материала для исследования актов политического и личностного сопротивления власти. Сари служит символом одновременно индийской нации и индийской женственности, а связанный с ним широкий спектр ассоциаций привлекает к нему внимание многих индийских авторов, описывающих как масштабные политические события, так и проблемы личных и семейных взаимоотношений.

Ключевые слова: Индия; сари.

Статья впервые
опубликована
в журнале
Textile: The Journal
of Cloth & Culture
(2004. Vol. 2.1)

В рассказе Гиты Харихаран «Искусство умирать» безымянная рассказчица размышляет о перипетиях семейной жизни, ухаживая за умирающей матерью, которая мечтает воссоединиться со своим

покойным сыном Рамом (Narayanan 1993: 77). В детстве он постоянно прятался, поэтому она «привязывала его рядом с собой на кухне с помощью мягкого старого сари, отпуская его ровно на ту длину, чтобы он мог двигаться». Став взрослым, Рам по-прежнему ускользал от матери: он работал врачом в Австралии и собирался жениться на своей белой подруге — и в конце концов исчез навсегда, когда упал мертвым на собственном смотровом столе. Рассказчица, работающая психотерапевтом в консультационном центре, размышляет о психологических теориях, объясняющих человеческое поведение, готовясь гладить материнские сари и вытягивая измятый край одного из них, чтобы его выровнять: «На третий раз ткань не выдерживает, и я слышу треск. Кромка, ярко-желтая, аккуратно отрывается и повисает у меня в руке, словно шелковая праздничная декоративная лента» (Ibid.: 76).

Без кромки сари гладится на удивление легко: «все запутанные узлы, капризные складки исчезают», оставляя лишь один «большой чистый холст», который рассказчица может складывать как угодно; но носить его уже невозможно. Сари, олицетворяющее семейные узлы, теперь становится символом сопротивления. Психологические теории, сводящие человеческую жизнь к стереотипам подчинения и конформизма, пасуют перед ее неповторимостью и сложностью.

Будучи частью эстетически насыщенной и политически сложной текстильной традиции Индии, сари в избытке наделены тем, что Арджун Аппадурай именует «социальной жизнью вещей» (Appadurai 1986); и в то же время они интегрированы в «язык одежды», который, по утверждению Элисон Лурье, обладает собственной грамматикой, идиоматикой и лексиконом (Lurie 1981). Таким образом, сари наделяется широким спектром культурных и социальных смыслов, которые, в свою очередь, легко обретают вербальное и литературное выражение. В этой статье речь пойдет о репрезентациях в ряде литературных произведений как о материале для исследования личных взаимоотношений и политических проблем, прежде всего — актов сопротивления власти. **(Продолжение и иллюстрации см. в печатной версии.)**